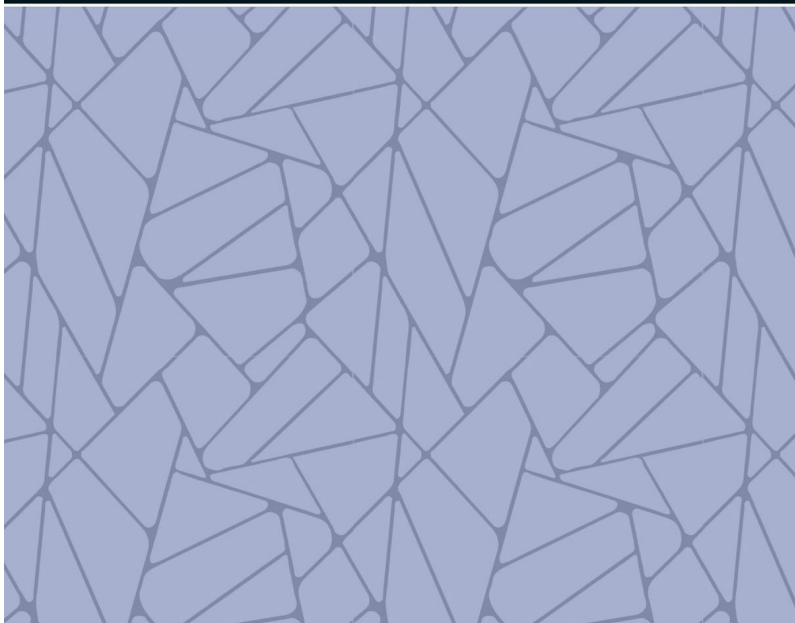

Адвоинженер

*Две части
целого*

А dvoинженер

Две части целого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394976

ISBN 9785449098054

Аннотация

«Две части целого» – повесть в двух частях – «Вечное настоящее» и «Дизайн для адвоката». Необходимость объединения кусочков в целое вызвана скорее личными причинами, нежели законом жанра. До некоторой степени повесть биографична, однако не следует воспринимать изложенные события как элементы подлинной анкеты автора. В повести раскрывается эволюция сознательной жизни обычного, провинциального человека – от детского мировосприятия, через рационализм к осознанию собственной достоверности.

Две части целого

Адвоинженер

© Адвоинженер, 2018

ISBN 978-5-4490-9805-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две части целого

Адвоинженер

Часть 1. «Вечное настоящее»

Предисловие

Официальная пресса сообщает, что нас ждут большие перемены – построят два поднебесных конгресс-холла, восемь гостиниц, расширят аэропорт, приведут в порядок набережную.

Для меня город выступает как целое очень редко – ровно тогда, когда я нахожусь извне.

Детство проходило во дворах, которые в обиходе назывались именами расположенных там учреждений – «Ритм», «Аэрофлот», «Соки-Воды», «Кассы», «Отдых», «Волшебни-

ца», на пяточках возле кинотеатра Пушкина и Гастронома №5, на студии телевидения, где работала мама или «пожарке», где трудился отец.

А еще в школе, во дворце пионеров (шахматная секция), атлетическом клубе «Юниор», на карьерах и озерах, горках и катках, школьных вечерах и танцах.

Внутреннее пространство двора делилось между теннисным столом, верстаком, песочницей, турником, бомбоубежищами, беседками, детскими садиками, футбольным полем, деревянной горкой, фонтаном с купидонами, пенсионерской клумбой, гаражами и кустами акации.

Об этих местах можно рассказывать долго, счастливо и отдельно, поскольку там случалось все важное и наиважнейшее – драки и дружбы, песочные замки и ледяные крепости, тополиный пух и спички, ножички и пестики, ранетки и яблочное по рупь семнадцать, гитары и девушки, книги и пластинки, и многое, многое другое.

Но в том, что случалось, не было собственно города, как осознанного субъекта присутствия. Нет, конечно, он был, но как-бы за кадром существенного – в прописках, официальных титулах или символах.

И правда, пока я дома, там нет никакого города, и в конторе нет, и в суде. Нет в клубе, на даче или в гостях.

Короче, если внешний наблюдатель или марсианин станет наблюдать меня в квартире, даче или на работе, он не догадается, что это происходит в Челябинске.

Только вдоль пешего пути что-то проступает в дальнем свете.

Да, конечно, город все время подает сигналы – шумы, дымы, запахи и коммунальные счета. Но это всего лишь тихий скрип повседневности.

Там, куда я вложилась всерьез, города нет. Вернее, почти нет.

И пока в собственном серьезном вложении решается только частный вопрос, а общий возникает лишь попутно, город остается родным, в смысле привычным, но безликим.

И только когда нам случится встретиться с мыслью о городе, ее раскрыть, понять и просветить собственное присутствие в теле «город», в том числе, осознать необходимость и незаместимость своего личного усилия, и, соответственно, его приложить, произойдет чудо перевоплощения. Те самые отдельные дома, дворы, школы, дороги, трубы и «пожарки» родятся вновь, но уже как части единого и живого целого, которое как всякое живое обладает собственной уникальностью и неповторимостью, то есть, лицом.

Глава 1. «Когда я был маленьким в детстве»

Когда я был маленьким в детстве, отчетливо понимал, что человечки не могут жить в киношном экране, поскольку он очень плоский. Другое дело – телевизор. Там-то они вполне могли прятаться до 20.45. Как тетя Валя с Хрюшей, к при-

меру.

На дне рождения бабы Поли, папа сказал, что человек произошел от обезьяны.

– И я? – спросил маленький детский я.

– Нет, – рассмеялся папа, – ты от нас с мамой.

– Тогда, ты?

– Нет, – продолжал смеяться папа, – я от деда и бабы Поли.

И тут до меня дошло.

– Баба Поля, – крикнул маленький детский я радостно, – она от обезьяны!

Как пережила сей радостный день рождения баба Поля, уже не помню, но меня все-таки сильно не наказали. И это была правильная педагогика, ибо эволюционная теория во всем блеске и собственной полноте в маленьком детстве дается далеко не каждому и далеко не сразу.

В те небольшие годы, некоторые ненавязчивые взрослые изводили меня вопросом кого я люблю больше, – маму или папу.

То, что «папа-мама» есть самое-самое все, я ощущал как непреложную и неразложимую достоверность, и отличие «папы-мамы» от остального ландшафта понимал.

Но вот, как различить больше-меньше и выделить отношение к каждому, не разумел совершенно, оттого впадал в ступор всякий раз, когда задавался подобный вопрос.

После очередного субботнего чая с коржиками, я признался в своих мучениях бабе Поле.

– Говори «одинаково», – сказала баба Поля

– Но ведь это не так!

– А как?

– Я не знаю.

– Поэтому, говори «одинаково».

На очередном празднике ко мне снова пристала добрая тетя навеселе:

– А кого ты боль...

– Одинаково, понятно вам, – поровну, никого больше ...

– Ладно, ладно, ты чего, – пробормотала добрая тетя, – я-ж просто так.

Оказывается, это было «просто так» и на самом деле ничего не значит, спрашивается, чего напрягаться. Проблема была решена, а вскоре и вовсе сошла на нет.

Но почему этот вопрос вообще присутствует в качестве демонстрации заинтересованного отношения к чужому ребенку, мне неизвестно до сих пор.

В шестидесятых годах мы – бабушка, дедушка, мама, папа, я, мамина сестра Лена и ее сын Гоша, жили в большой трехкомнатной квартире, которая располагалась на четвертом этаже сталинского дома.

Я дружил с соседским мальчиком Сережей, обитавшем этажом ниже.

Однажды, будучи у него, мы заигрались допоздна.

В конце концов, мама позвонила тете Тане и попросила в кратчайший срок избавиться от гостя, что та сделала с пре-

великой радостью, но в максимально вежливой форме.

Оставаясь в недоигранном сражении, я вынужден был подчиниться, и направился напрямик домой.

Дошел, позвонил в дверь и... о, ужас! – мне открыл сосед со второго этажа.

Совершенно растерявшись, спросил, – а где мама?

Он недоуменно глянул, хмыкнул «не знаю» и опасно закрыл дверь.

Вот тогда мир рухнул, ведь я потерял дом. Более того, никак не мог это осознать – принять сам факт утраты. Как такое вообще возможно – пару часов назад был, а теперь?

Я смотрел на дверь, которая как две кали воды похожа на нашу, и ничего не понимал. И только приглядевшись, обнаружил некоторые различия. Во-первых, изменилась кнопка звонка – у нас коричневая и маленькая, а тут большая и черная. Во-вторых, цифры выглядели иначе. Третье, дверная ручка – у нас на ней после ремонта оставались капли коричневой краски, а тут чистая.

Решил вернуться к тете Тане, но у них на этаже все оставалось по-прежнему.

Немного погодя спустился снова – дома не было, за то отчаяние и ужас подступали в своем нарастающем великолепии. Кроме того, к этим чувствам присоединилось любопытство – почему кошмар продолжается?

Вдруг стало весело, – еще-бы, сегодня придется заночевать у Сереги, а это уже кое-что.

Поднявшись на этаж и занеся руку, чтобы постучать, внезапно опомнился.

– Стоп, я ведь живу выше Сереги, – выше, а не ниже!

Взлетев на два пролета, почувствовал облегчение – все оказалось на месте, и дом, и дверь, и мать, которая, теряя терпение, ждала на лестничной клетке.

– Мама, ты здесь, как хорошо! – кинулся я к ней.

– Ох, хитрец! – улыбнувшись сказала она, ибо внезапная нежность сына растопила былую строгость – живо чистить зубы и спать, завтра поговорим.

Я засыпал счастливым, – человеком, который потеряв, справился, – выстоял и в награду обрел свой прежний замечательный мир.

Как-то у магазина «Молоко» мы ждали маму, пока она прохладилась сразу в двух очередях.

И чтобы не терять времени даром, отец решил проверить скорочтение сына. Благо, киоск «Союзпечать» оказался рядом, и мне было предложено прочесть название журнала, выставленного внизу, – аккуратно, по росту.

Увидав первую и последнюю буквы, я срочно выпалил слово «змея», полагая, что папа не очень серьезен в своем стремлении добиться от ребенка ранней грамотности.

– Чтоооо?

– Зааааамок.

– Читай по слогам!

– Зна-ни-е.

– Не отгадывай, читай.

– Зме – на, нет, зна-ме-ня, за-ми-ня... а, вот – змеина!

– Сколько можно гадать, я же сказал, – по слогам!

– Знамя, – поспешил на помощь ангел, – дорогой, он почти все правильно прочел, правда.

Но дорогого уже трясло.

Во-первых, била гордость за отпрыска, а во-вторых, отчаянье от невозможности приведения в исполнение приговора здесь и сейчас.

Долгие годы аукалась мне эта «змеина».

Году в семидесятом папа помог Лене вступить и, главное, оплатить взнос в кооператив, в результате, они с Гошей съехали на улицу Елькина в однокомнатную хрущевку.

Не помню в честь какого праздника, но мне разрешили погостить там с ночевкой. Протрепавшись весь вечер за чаем, улеглись поздно, но наутро все же собрались гулять.

– Само собой, только во дворе! – честно наобещали мы тете Лене.

Ну, и само собой, Гоша сразу предложил пойти посмотреть секрет, до которого ходу оказалось немного – минут пять дворами.

Когда пришли, Гоша, перейдя на секретный шепот, предупредил:

– Если хотим остаться в живых, необходимо хорошенько спрятаться.

– От кого? – немного испугавшись спросил я.

– Немцы! – важно процедил он.

Я все понял, и мы мигом залегли в кустах.

Через некоторое время донесся странный гул, шипение, стук, а потом раздался длинный пронзительный гудок.

– Что это?

– Смотри!

И тут я его увидел – это был самый настоящий, правдишный, живой, черный, шипяще-стучащий, весь из себя кривошипно-шатунный и стремительно приближающийся паровоз.

Удивительность момента заключалась не столько в самом паровозе, хотя и в нем тоже, сколько в его близости – он шел, практически, по двору.

Глава 2. «Дороги»

В далеком сорок девятом году в парке Гагарина построили детскую железную дорогу, обслуживанием которой в семидесятых годах занимались юные железнодорожники.

Мы смотрели на них, как на самых счастливых в мире детей.

Во-первых, они носили форму железнодорожника, во-вторых, могли кататься целый день бесплатно, а в-третьих, в силу принадлежности к высшей касте, не обращали на простых смертных никакого внимания, иначе говоря, смотрели на своих сверстников, и на меня в том числе, сверху вниз.

Но в семьдесят втором итальянский дядюшка сделал забываемый подарок – электрическую железную дорогу made in Germany.

Там было все – и паровоз с тендером, и четыре вагона, один их которых почтовый, и составные рельсы, и пульт управления.

Из тогдашнего «лего» я построил станцию, водокачку и замок, а из железного конструктора собрал семафор, кран и шлагбаум. В дело пошли пластмассовые рыцари и оловянные солдатики.

Также удалось «одолжить» у бабушки малюсенькую сувенирную елку, из книг отлично получились туннели, а мамин плед и декоративные подушечки помогли создать ландшафтную основу всей композиции и даже складки местности.

Сколько времени я провел на полу, наблюдая движение состава и вагонные сцепки, разгрузки и погрузки, столкновения и аварии, захват поезда и оборону замка, одному богу известно.

Я не только исполнял проводника, но одновременно был машинистом и защитником замка, сцепщиком и догоняющим поезд тамплиером, заправщиком и, конечно, самым неуловимым мстителем Зорро.

Прошло время, железнодорожные страсти улеглись, забылись детские дороги, появились новые увлечения.

Однажды, в возрасте восемнадцати лет, я, Элька и Вася, проведя ночь в полнейшем авангарде, – прослушива-

нии «King Crimson» и «Genesis» под жуткий египетский бренди, – решили проветриться. В конце концов, добрались до парка и пошли по шпалам той самой дороги.

Естественно, беседовали только на авангардном языке и исключительно на авангардные темы: о минимализме, отказе от сервантов, буфетов и слоников, сюрреализме, отсутствии вкуса к настоящей музыке у всех, особенно, учителей и родителей, необходимости носить джинсы и только джинсы, тупости тех, кто стрижется коротко, включая похвалы Г. Гессе и В. Высоцкому.

И тут Вася нашел гриб, – сначала один, потом другой, третий.

Я было поспешил за ним, но взгляд случайно зацепился за литую надпись на рельсах «Krupp 1901».

Как могло получиться, что рельсы нашей советской, пусть и детской, железной дороги изготовлены самым вражеским врагом?!

Это теперь Крупп не страшен, а тогда, – ужас, друг фюрера, капиталист, поджигатель войны.

И каким ветром занесло на железную дорогу, построенную в 1949 году в городе Челябинске, немецкие рельсы из 1901 года?

Ответа я не знаю до сих пор. Другое дело, нужен ли он мне. Согласитесь, вполне достаточно самого факта в его непреодолимой загадочности.

Глава 3. «Феодосия»

Каждое лето дед Митя и баба Поля, во укрепление иммунитета и всякого нужного здоровья, возили меня в Феодосию, где проживали родная сестра бабы Поли Лиля, ее муж Миша и дети – Вовка с Маринкой.

Как мы всемером размещались в двухкомнатной хрущевке, – ума не приложу, но факт остается фактом, – ежегодно гостили по два месяца.

Там я узнал море, возненавидел медуз и полюбил ракушки, научился плавать, приохотился нырять с маской и трубкой и даже пробовал под руководством деда самостоятельно грести на лодке.

До моря идти было прилично, ибо стараниями тети Лили, для получения права на столовское питание, нас прикрепляли к далекому ведомственному санаторию.

При входе на пляж висела доска, куда каждое утро, день и вечер заносились данные о температурах воды и воздуха, а также о волнении моря в баллах.

Бывало даже так, вечером вода +25, а утром +9. Дня два никто не купается, а на третий снова +25.

Дед внимательно изучал цифры, долго думал и после выносил вердикт – можно или нельзя купаться.

Он следил за мной поминутно: десять минут на солнце, пятнадцать в тени не снимая панамки, и только потом на пять-десять минут в воду. А из воды, – сразу в полотенце

и сухие плавки.

Я просил, доказывал, умолял разрешить мне купаться, как купаются другие дети, но дед был непреклонен – либо так, либо никак.

По дороге мы покупали фрукты, которые затем тщательно промывали в пляжном фонтанчике, а по особым случаям мне позволялась кукуруза или мороженное.

Вкуснее той горячей, посыпанной крупной солью кукурузы, извлекаемой из бабкиных холщовых мешков, я не ел больше нигде и никогда.

На берегу я строил из песка большие замки с башнями и стенами, которые украшал мелкими ракушками и галькой, а также окружал рвом с водой, мостиками и протоком к морю.

Еще плавал с маской, тщательно рассматривал понтонные сваи, где в больших количествах обитали мидии, наблюдал крабов, мелких рачков и искал крупные ракушки – такие как продавали на лотках при входе.

Но, увы, продавцы находили их раньше.

Вечерами мы гуляли по набережной, проходили мимо дачи Стамболе, дома-музея знаменитого мариниста И. К. Айвазовского и музея А. Грина, в который меня по неведомой причине не впускали лет до четырнадцати.

И да, это было полное, всепоглощающее и всамделишное счастье, из которого не вычитаются ни мелкие обиды из-за купания, ни обязательный дневной сон, ни запрет на телеви-

зор, ни даже препротивное вечернее чтение.

Поэтому для меня существует только одно-единственное неделимое море, все остальные – лишь бассейны при отелях.

Именно в Феодосии, летом семьдесят третьего я заболел модой, – сильно заболел, истово, – очень захотел джинсы-клевш. Правда, мне было двенадцать.

Каждые встречные джинсы рассматривались пристально, внимательно и завистливо.

Слишком широкий клефш не нравился, как и клефш, сделанный из обычных брюк путем вставки клина. А вот джинсы с болтами, армейским ремнем и правильным лейблом «Levis» или «Levi Straus», являлись предметом жадного вожделения и чудесной юношеской мечты.

Итальянская тетя, как назло, прислала старческие фасоны-дудочки, которых я страшно стеснялся.

Будучи один дома, я нашел бывшие черные брюки, взрезал их до колена и попытался вшить клин. Разумеется, ничего не получилось, и пришлось коновально оперированные штаны затолкать в темный угол кухонной антресоли.

Но мне подфартило. Весной дядя Витя привез польский джинсовый комплект, и это был клефш от колена, который видно спереди, сбоку и сзади – не подкопаешься.

Сговорившись с одноклассником Борей, в гардеробе которого имелись джинсы от Карабашской швейной фабрики, мы явились на школьный субботник, гордо неся на себе предел человеческой моды. Борька даже умудрился дополнить

джинсы модными махровыми носочками.

Ольгу Витальевну (классную руководительницу) чуть Кондратий не хватил, – крику было...

Нам попомнили все – прически и музыку, учебу и пропускаки политинформаций, америку и погибших на фронте дедов.

Что удивительно, через какое-то время болезнь прошла и более не возвращалась, тем самым лишив меня на следующие сорок пять лет множества милых ежедневных треволнений, которые законным образом испытывает всякий нормальный человек с психологией.

Глава 4. «Яблочная юность»

На скамейке Подкорыт открыл яблочное. Накануне его отец, будучи крепко навеселе, подарил пять рублей.

– Не, он как пить дать не вспомнит, а вот мать, – объяснял Подкорыт, – мать, если недосчитается, с меня три шкуры спустит.

Поэтому, чтобы вместе со шкурой не содрали еще и деньги, мы в Галантерее, сначала купили цепочку за три рубля, а потом, уже в Гастрономе, «Яблочное» за рупь семнадцать и пачку «Опала» за тридцать пять коп.

– Ты, Влад, молодец, учишься, книжки читаешь!

– А ты?

– Я там не присутствую.

– Где?

– В книжках, в школе, в институте. В той жизни, которая для тебя и всегда с тобой.

– Погоди, ты ведь ходил в школу.

– Вот именно, – ходил, а там учиться надо было.

– Жалеешь?

– Нет. Моя жизнь случилась давно и без всякого смысла.

– Ну-ну, ты старше всего на пару лет.

– Смотри, человеку важно понимать свое положение в жизни. Я свое понимаю, а ты – понимай свое.

– И каково это положение?

– Если меня завтра не посадят, ну, ты знаешь за что, и не вытурят из училища, будет армия, завод, пьянка, а потом все равно посадят.

– С тобой понятно, хотя и не очень радужно, а со мной?

– Со мной нормально, а с тобой дела совсем плохи.

– Почему?

– Усилий много нужно делать – поддерживать небосвод, так сказать.

– С дуба рухнул, какой еще небосвод?

– Понимаешь, свои желания я исполню быстро, благо их у меня немного – выпивка, бабы, фарт. Можно сказать, уже исполнил.

– Что с того, я против баб ничего не имею.

– Не, дорогой, не примазывайся. Тебя создали со смыслом, поэтому ты обязан.

– Кому, Витя, кому и чем?

– А хоть бы и мне, нам, всему двору – мы за тебя болеем. Согласись, будет глупо, если ты по моим стопам пойдешь. Или по Жоркиным. У тебя шанс.

– Какой еще шанс?

– Прожить другую жизнь. Или свою, но по другому – не идя ни у кого на поводу, самостоятельно, своей головой.

– Допустим, ты прав и слова твои сбылись – я живу своей головой. И что, без баб, карт и выпивки – только головой?

– Но с достоинством.

– Ой, я вас умоляю, кто бы говорил.

– Да пойми ты, желание – это так, на разок-другой. Одна баба, две бабы, потом женишься и станешь как все. Нет, тут другое. Вот если сам что-то сможешь – ты человек, понимаешь.

– Что смогу?

– Смысл найти, равновесие, правду, совесть, короче, слово свое сказать.

– Витяяя, не пей больше, очень прошу.

– Дурак ты, Влад, дурак и не лечишься.

– Сам дурак!

– Значит так. Жорка, когда мы с Симой у него на свиданке были, велел передать, чтобы учился хорошо и отца слушался. Отец у тебя – голова. Не веришь, спроси у Симы.

Глава 5. «Уроки»

В сентябре семьдесят седьмого добавился новый предмет – начальная военная подготовка, соответственно, новый преподаватель – полковник в отставке Алексей Петрович Цыганок, который рассказывая об оружии массового поражения, утверждал, что альфа, бета и гамма-частицы разлетаются со скоростью миллиард километров в секунду.

Еще он не мог понять, как можно ходить неаккуратно подстриженным, носить не одноцветный костюм или пиджак не в цвет брюкам.

Разок я выпендрился, и заявился в пиджаке в крапинку. В принципе, пиджак был бежевым, но встречались разноцветные прожилки, поскольку его пошили в одной из стран восточной европы – такой, знаете ли, народно-демократический пиджачок, но немного игривый, и этим посягающий на строгие основы коммунистической морали.

Именно в этот день мы сорвались с уроков.

Уже на выходе из школы, буквально за пару шагов, нас застукал Цыганок.

Он не спеша подошел, взял меня за лацкан и громко, нараспев спросил: «Вл-а-а-д, п-а-а-чему пидж-а-а-к?». Затем широко улыбнулся, сделал воинский разворот кругом и ушел с гордо поднятым офицерским достоинством.

Относились к нему хорошо, поскольку человеком он был веселым, добрым, более того, душевным.

Например, выступая против дилетантского, а на самом деле, нашего исполнения современных танцев – тех самых

«медляков» и «шейков», поведаль, как сам учился танцевать: вальсируя по четыре часа в обнимку со стулом вокруг общежитского стола под патефон.

Или, как участвовал в запуске ракеты земля-воздух: «Помню, летом дело было, на полигоне в Казахстане. Петляя как заяц, ракета догнала и поразила заданную цель, а мы, стоящие внизу, закричали ура, и тут же в воздух полетели ушанки, телогрейки.»

Ну как можно плохо относиться к бывшему полковнику, который танцует со стулом, не выносит цветных пиджаков, не знает теории относительности, а летом носит ушанку и телогрейку.

Под конец девятого класса Петрович привлек нас к участию в зарнице. В порядке подготовки, мы вместе вышли на школьный стадион, где он сходу предложил посоревноваться на турнике.

В свои пятьдесят семь, полковник подтянулся восемь раз, а я и мои друзья – около двадцати. После этого Цыганок нас зауважал и впредь ставил преимущественно пятерки.

Разумеется, не обошлось без инцидентов.

В середине десятого класса мы ярко набедокурили – шумно подрались с местными, попались на курении и пропустили неприлично много уроков, в связи с чем у педагогов и комсомольского актива накопились претензии, обсуждение которых вынесли на расширенный педсовет с участием родителей – дабы те послушали о своих деточках-раздолба-

ях.

Впоследствии выяснилось, что на совете многие выражали серьезное недовольство таким поведением и даже грозили исключением из комсомола.

Но один участник процесса все-таки вступился за провинившихся – и, конечно, это был Алексей Петрович.

Он сказал так, – да, мальчишки ершистые, активные, злые на язык, порой нарушают дисциплину, иногда покуривают, дерутся и дерзят, но, – повысил голос Цыганок, – им же Родину защищать!

Остальные учителя недоуменно вскинулись – почему только им – всем.

Нет, – твердо возразил Петрович, – эти смогут, – они готовятся, занимаются спортом, дают отпор хулиганам, но главное, не боятся поступков. Поэтому им можно Родину доверить, а остальные еще заслужить должны.

Глава 6. «Античный беспорядок»

В начале девятого класса по школе пронесся слух, что неподалеку открылась секция культуризма и нас там ждут.

– Культуризм, – это что?

– Пацаны, говорят, Гойко Митич – культурист!

Придя по указанному адресу мы нашли подвал, в котором, и в это невозможно поверить, в живую разминались герои фильма «Подвиги Геракла».

Шок от увиденного был столь силен, что я не сразу осознал реальность происходящего.

Тем временем одна из статуй обратила на нас внимание. Меня зовут Саша Хейман – сказала она – если есть желание поработать, проходите.

Далее Саша пояснил, что заниматься будем культуризмом, но произносить в слух только «атлетизм», ибо культуризм считается «западным» и очень вредным.

И тут все сошлось. Во-первых, нас брали в настоящий спорт, во-вторых, в подполье, и третье, – скоро мы будем похожи на Гойко Митича.

Переоценить пункт три было невозможно, ибо оттуда вытекало такое количество благоприятных последствий, что думать обо всех и сразу не было никакой ментальной возможности.

Действительно, в скором времени мы втянулись – ходили на тренировки, вели дневники, готовились к ежемесячным прикидкам, измеряли сантиметром бицепс, грудную, талию и икру, утром делали зарядку. Короче, вступили в мысль о гармоничном человеке.

Саша считал, что сам похож на «Железного Самсона» – знаменитого русского атлета Александра Ивановича Засса.

Результаты появились быстро. Так к концу десятого класса я подтягивался на одной руке четыре раза подряд. Ну, и, знаете-ли, фигура, а вместе с ней и уверенность в себе..

С Сашей я сошелся поближе года через три, когда вместе

поехали в Ленинград.

Тогда, будучи в Эрмитаже и глядя на картину А. Матисса «Танец», он задумчиво произнес сакраментальное – «Пожалуй, мой Дениска (сын пяти лет), получше нарисует».

С тех пор мы общались уже как близкие знакомые, вплоть до его отъезда в Израиль.

Как вы знаете, заболевший культуризмом однажды, болеет им навсегда. Во всяком случае, так получилось со мной, который по сей день трижды в неделю держится за железки.

И да, до сих пор я занимаюсь по тем же правилам и методикам, которым научил Саша – первый и единственный тренер, действительный и незаменимый.

Глава 7. «Первоисточник разума»

В старших классах историю и обществоведение вели Эрнест Иванович и Луиза Петровна.

Времена, сами понимаете, былинные, поэтому историю, как науку преподавать было невозможно, а вот историю классовых побед, нанизанных на линию партии, т.е. подлинную, которая изучалась по материалам съездов, классикам марксизма-ленинизма и еще какой-то книжке с картинками, напротив – совершенно необходимо.

В десятом классе прибавилось обществоведение, где учителя должны были обучать основам материалистической философии и делать это так, чтобы на вопрос о первичности,

ученики сразу, то есть, без запинки, притворства и лени, восклицали: «материя, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал ленин.»

У обоих преподавателей рьяные комсомольцы-общественники не вызывали никакого восторга. Наоборот, ставя им вынужденную пятерку, произвольно, жестом, ироничным словом, давали понять, что не разделяют ни пафоса, ни восторга, которые ученик демонстрировал, произнося фразы о партии, ленине или социализме.

Например, записная комсомолка, с придыханием, восторгом и подобострастием, барабанит партийную правду попеременно с «истинно-верным» и «единственно-подлинным» – аж, филейная часть полыхает. Вдруг Луиза Петровна ее тормозит, поднимает с места меня и просит продолжить начатую тему.

Естественно, как человек ничего не учивший, начинаю лихорадочно выкручиваться. Склеиваю партийные слова в человекоподобную череду фраз, добавляю от себя пару примеров из утренних новостей, гневно негодую против империалистического ига, а потом плавно выхожу на финал, в котором содержится еще в посылке заложенный вывод.

Луиза Петровна счастливо улыбается, отличница на этот раз получает «хорошо», тогда как мне ставят «отлично».

Ученица в недоумении – почему, ведь она все правильно ответила, на что Луиза, жмурясь от удовольствия, поясняет, – милая моя, тут правильного недостаточно, необходимо

было собственное отношение выразить, а вы, как-то очень по казенному, без души.

Потом, уже перед самым выпуском, Луиза Петровна вместо урока повела весь класс в парк. И там, в приватной беседе, сказала – молодой человек, в дальнейшем будьте осторожней. В институте учить истории будут совсем другие люди, поэтому наглое незнание, нахальный треп и самонадеянность могут быть истолкованы совсем иначе и не в вашу пользу.

К счастью, опасения Луизы Петровны, оказались напрасными.

Первый курс начался с истории партии, который читала мадам Заикина, славящаяся строгостью и требовательностью. Однако наши отношения скорее напоминали роман в стихах или поэму в прозе, поскольку усвоенная в школе фигура вывода, сидящего в посылке, сработала на сто двадцать процентов.

Мадам Заикина испытывала истинное блаженство, слушая мои разглагольствования по поводу апрельских тезисов, реорганизации рабкрина или государства с революцией. И когда парой цитат я намекнул, что готовясь к семинарам, штудирую не только ее лекции, но и такие первоисточники, как «философские тетради» или «эмпириокритицизм», не смогла дальше скрывать чувства – со слезами благодарности вкатила «автомат».

Мало того, эта любовь спасла меня на госэкзамене по на-

учному коммунизму, который принимала комиссия с ее участием.

Прошли годы, грянула перестройка, потом демократия.

На одном из майских праздников, повстречал колонну нашей школы, в которой вместе с молодыми шел Эрнест Иванович – сосредоточенный, подтянутый, с прямой спиной, в военно-морской форме и кортиком на боку.

Я поздоровался, а он сразу узнал, обрадовался и потащил в сторону – хорошо, что вас встретил, надо поговорить.

И когда отошли, глядя прямо в глаза, сказал:

– Я прошу у вас прощения!

– Господи помилуй, за что?

– За то, что учил истории, которой не было.

Дорогой, любимый, Эрнест Иванович, вы научили меня гораздо более важным вещам – мужеству и достоинству, поэтому мои уважение, восхищение и благодарность безмерны и непреходящие.

Глава 8. «Уроборос»

В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году я услышал композицию группы Пинк Флойд «Shine On You Crazy Diamond».

И вот тогда рухнуло небо, но вместе с разрушением обозначилось что-то, что уже давно жило внутри, но было скрыто от всякой психологии или истории. Оставалось только на-

звать что.

Совсем недавно Дмитрий Тиможко продемонстрировал, что музыкальные аккорды можно описать с помощью топологии.

Например, для созвучий, состоящих из всего двух звуков, а в данной композиции топология задана именно чередованием звуковых пар, взятых из одного септ аккорда, таким пространством будет лента Мёбиуса – скручиваемое и переворачиваемое пространство, где внешнее оказывается внутренним, а внутреннее – внешним.

Так на примере ленты Мебиуса наглядно представима оборачиваемость внутреннего впечатления и его внешнего эквивалента. При этом сама лента Мебиуса – есть мифологический символ змеи, пожирающей саму себя.

Значит, сиянием безумного алмаза на самом деле высветилась встреча с ангелом-искусителем Самаэлем, предвещающая грехопадение и (или) Уроборосом, – признание собственной раздвоенности.

Так какое же внутреннее было высвечено безумным алмазом в тысяча девятьсот семьдесят каком-то году?

Ответ может показаться неожиданным, – нетерпение, как жгучее желание поскорее расквитаться с детством.

Именно после алмаза роман Ф. М. Достоевского «Бесы» надолго занял первую строчку в моем тогдашнем чате.

Хотя сам факт грехопадения был еще впереди, но воцарившаяся после укуса Уроборосом раздвоенность, требовала

своего осознания и легитимации – выхода из «безумного алмаза» и, для завершения себя во всей полноте, нового тела, которым и стала композиция Чика Кория «No mystery».

Трудно сказать, почему Уроборос выбрал для поселения в моей душе тело фьюжн-мистерии. Может, виной всему пограничность джаз-рока, как необходимость стояния на краю между двумя безднами. Или причина лежит в онтологической, сопряженной ленте Мебиуса, двойственности жанра. Впрочем, выбор змеем конкретного тела следует признать удачным.

Как обычно бывает во всякой мелодраме, вслед за мистерией на пороге объявился роман «Из первых рук», где главный герой – бродяжничающий гениальный художник Галли Джимсон – пребывает в состоянии собранного и творящего субъекта, мало того, на девяносто девять процентов состоит из поэзии У. Блейка.

Именно поэзия Блейка выступает путеводной звездой периодически случающихся с Джимсоном творческих запоев: «Пять окон льют свет в человеческий склеп, Одно ему воздух дарит, Второе доносит музыку сфер, А третье ему открывает Толику бескрайних миров...»

Как и в мистерии Кория, повествование из первых рук, а значит и мы вместе с ним, движется по ленте Мебиуса, где происходит взаимное перевоплощение поэзии Уильяма Блейка и живописи Галли Джимсона.

Ровно тогда, легким майским вечером семьдесят восьмо-

го, я повстречал Рыбу, пересказывающего события в седьмом круге. Прихлебывая утаенное от товарищей пиво, он утверждал, что Данте, рассуждая о перевороте, совершаемом на острие сумрака, видел перед собой лист Мебиуса. И поэтому, продолжал рассказчик, восхождение и обретение итогового смысла было столь-же естественным и органичным, как сам процесс погружения во мрак. Следовательно, подытожил Рыба, существование в мысли, читай в истине, само по себе лишает всякого смысла выбор, а значит и необходимость соответствующего усилия.

Глава 9. «Инвариантность Галилеевой группы»

В сентябре семьдесят восьмого с лекции по аналитической геометрии начались занятия в институте.

Здравствуйте! – отчетливо произнес, стоящий за кафедрой молодой, высокий, сухощавый и темноволосый человек – меня зовут Владимир Ильич!

Далее он преподносит мерность пространства.

– Одномерное, как оно выглядит?

Аудитория хором, – прямая.

– Двумерное?

– Плоскость.

Владимир Ильич поднимает градус, – трехмерное?

– Куб.

Пауза.

– Четырехмерное?

Аудитория молчит.

Я, сидящий на задней парте, опустив глаза в стол, тихонько, – нет геометрической интерпретации.

– Кто сказал нет?

Молчок.

– Спрашиваю еще раз, кто сказал, нет интерпретации?

Повисает тягостное молчание. И когда я решил героически сдаться, ситуация разряжается, – вот ведь правильно кто-то сказал, – нет геометрической интерпретации».

В середине семестра Владимир Ильич предлагает десять сложных задач – кто решит хоть одну, тому экзамен автоматом – говорит он с улыбкой.

На следующий день, привлеченные хитрыми первокурсниками школьные преподаватели, родители и студенты старших курсов включаются в процесс зарабатывания автоматов.

Все безуспешно, – чужие решения терпят крах. Мне и девушке с потока удается решить по одной.

Моя, – о нерешительном Пете, который из дома пошел в школу, но на полпути повернул к бабушке. Пройдя полпути, снова направился в школу, а еще через полпути опять повернул домой. И так до бесконечности.

Куда в итоге пришел Петя?

Получилось, Петя-Сизиф, к которому впопыхах приросла Моцартовская «Соль-минор», ибо слушал, пока решал, обречен бродить по небольшому треугольнику до конца света.

Владимир Ильич торжественно объявляет имена счастливых и тут же предписывает решить еще парочку совсем простых.

Более того, прилюдно поставив в зачетку «отлично», требует нашего присутствия на экзамене. Да, пятерки у вас есть, – говорит он, – но экзамена никто не отменял. Вот принесете последние задачки и будете их защищать.

На экзамене можно пользоваться хоть чем – шпорами, книгами, лекциями – и для этого на первой парте организована библиотека. Мало того, раз в пятнадцать минут Владимир Ильич демонстративно уходит на перекур.

Шпоры, конспекты и книги не помогают – вообще ничего не помогает.

Чтобы сдать математику, сперва нужно понять, потом решить, далее объяснить и в конце ответить на вопросы. Четверка – недостижимый результат, но никто не в обиде – народ радостно и весело пересдает неуды.

С самой первой лекции и на протяжении следующих пяти лет Владимир Ильич был бессменным, а главное, всеми обожаемым, преподавателем различных математических дисциплин.

Он преподавал математику, как легкую и изящную науку, в которой почти нет сложностей. Именно легкость, отсутствие занудства, ненужность зубрежки, но постоянная включенность в процесс математического мышления, позволили усваивать дисциплины, от которых претерпевали миллионы

студентов бывшего ссср.

Владимир Ильич легко общался, менялся марками, брал и давал читать книги, никогда не скрывал своего отношения к материалистическому мировоззрению и гуманитарно-историческим наукам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.